

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Газета для тех, кто любит наш край и хочет знать его историю
Приложение к газете "Вперёд", сентябрь 1997 года

Многоуважаемые жители Сергиева Посада!

Имеем честь пригласить вас
на выставку "Сергиев Посад
на рубеже XIX - XX веков".

Вы совершите экскурсию по старому городу, заглянете в фотосалон А. П. Платонова, лавку игрушечника и книжный магазин. Увидите уникальные подлинные фотографии старого города и его жителей - людей разных сословий, старинные открытки с видами Троице-Сергиевой лавры, подлинные документы и вещи.

Наша выставка перенесет вас
на 100 лет назад.

Спешите! Спешите! Спешите!

Выставка будет работать
всего два месяца - сентябрь и октябрь.

Ждем вас в выставочном зале "Конный двор"
во все дни недели, кроме четверга и пятницы,
с 10 до 17 часов.

Вполне уверенные в вашем давнем к нам расположении и радушно принятии нашего приглашения

Искренне ваши
сотрудники музея-заповедника -
организаторы выставки.

Р. С. Не забудьте захватить с собой немного денег. Билеты на нашу выставку стоят недорого: 3 тысячи рублей для взрослых, 2 тысячи - для пенсионеров и детей (вместе с экскурсией).

Краеведческий календарь

Сентябрь
1997 года

50 лет назад, в сентябре 1947 года, впервые в городе начаты работы по асфальтированию улиц. Был проложен асфальт от Московского переезда к центру.

80 лет назад, в сентябре 1917 года, в Сергиев Посад из Санкт-Петербурга переехал писатель Василий Васильевич Розанов (1856 - 1919). Семья Розановых поселилась в районе Красюковки, на Полевой улице.

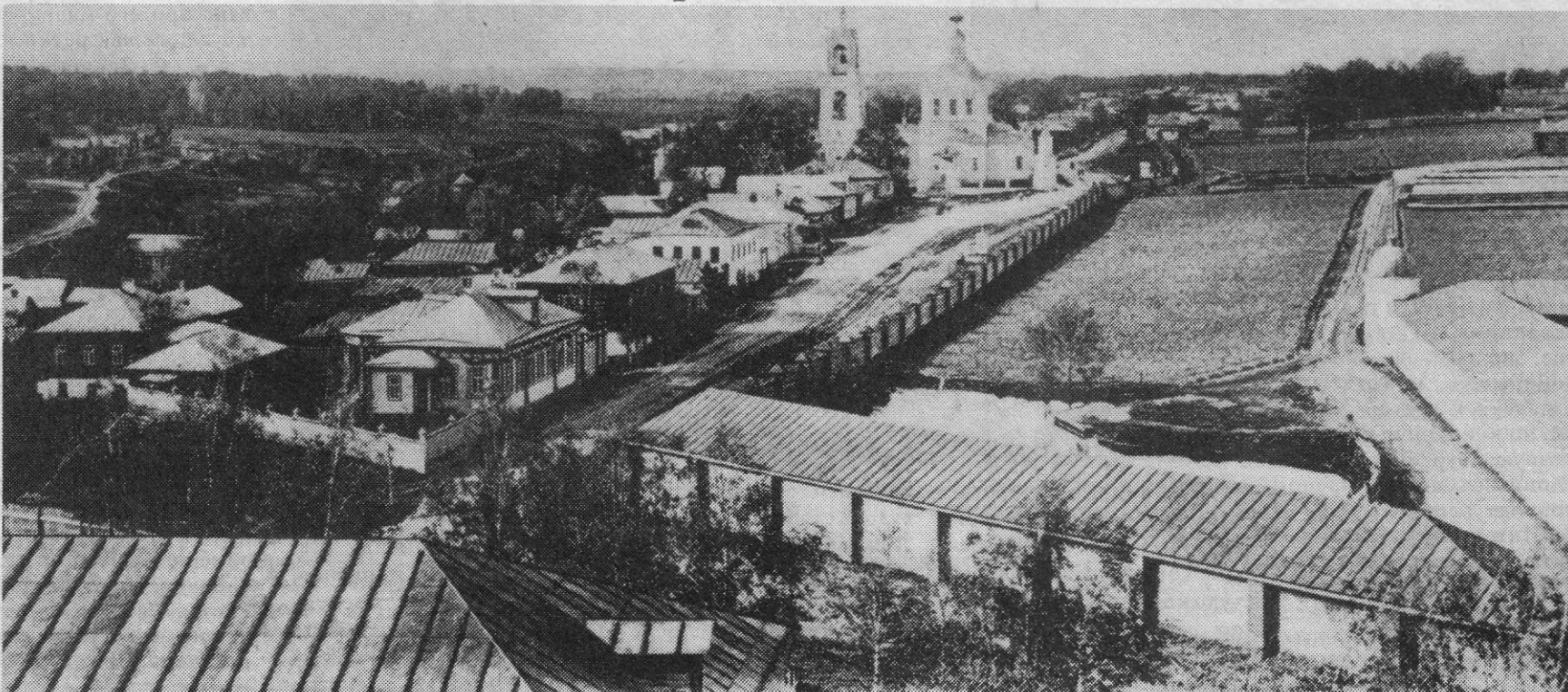
9 сентября 1990 года - 7 лет назад, трагически погиб отец Александр Мень.

19 сентября 1992 года - 5 лет назад, заслуженному архитектору России, почетному гражданину Сергиева Посада Виктору Ивановичу Балдину была вручена Европейская премия за охрану памятников старины.

23 сентября - 75 лет со дня рождения нашего земляка, Героя Советского Союза Александра Ивановича Алексева (1922 - 1943). Погиб в бою 14 октября 1943 года. Звание Героя присвоено посмертно.

24 сентября - 185 лет со дня смерти П. П. Багратиона (1755 - 1812). В сентябре 1812 года обоз с раненым полководцем, героем Отечественной войны 1812 года на три дня останавливался в Сергиевом Посаде.

29 сентября 1847 года, 150 лет назад, состоялось торжественное освящение Воздвиженского храма с приделом Алексия - Божьего человека - приходской церкви села Воздвиженское.

С праздником, дорогая наша столица!

МОСКВА- СЕРГИЕВ ПОСАД- НАВЕКИ ВМЕСТЕ!

Москву называют сердцем России, а наш Сергиев Посад - ее душой. Два чудных древних города! С давних времен связаны они друг с другом неразрывными духовными, историческими и дружественными узами. Их соединила великая Троицкая дорога, по которой "столь часто цари русские езжали и ходили на богомолье, испрашивать победы или благодарить за нее всевышнего в обители, основанной святым мужем и патриотом: сердце его, забыв для себя все земное, желало еще благоденствия Отечеству". Слова эти принадлежат русскому историку Николаю Михайловичу Карамзину, а написаны они были в 1803 году в его "Исторических воспоминаниях и замечаниях на пути к Троице и в сем монастыре".

А вот еще одна обожаемая мной цитата о связи наших городов. Она принадлежит известному французскому писателю и путешественнику Теофилю Готье, совершившему путешествие в Россию в середине прошлого века. "Если в Москве у вас окажется несколько свободных дней, когда основные достопримечательности города вами уже осмотрены, есть экскурсия, которую вам непременно предложат, и на нее надо тотчас же соглашаться. Это посещение Троице-Сергиева монастыря. Путешествие стоит труда, и никто не раскаивался в том, что его совершил".

Нескончаем поток паломников и туристов в наш святой монастырь, в наш посад. Они идут и едут к нам, чтобы послушать звон колоколов, поклониться Преподобному Сергию, чтобы испить водицы из святого источника и полюбоваться неповторимым архитектурным ансамблем монастыря.

Во все времена славился наш провинциальный город В радушием и гостеприимством. В мирные дни Успенские ворота монастыря широко распахнуты для всех желающих. В дни же суровых испытаний для России, когда враг пытался захватить Москву, Сергиев Посад становился одним из форпостов на его пути к столице с северо-запада. Так было в годы "великого троцкого сидения" в смутные времена польско-литовской интервенции 1608 - 1610 годов. Так было и в Великую Отечественную, когда город наш был объявлен прифронтовым и готовился принять бой, чтобы остановить фашистов, рвущихся к Москве.

И после Победы мы снова были вместе: в 1947 году вместе праздновали 800-летие столицы, в 1957 - встре-

чали участников международного фестиваля молодежи и студентов, в 1980-м - олимпийских друзей.

Мы всегда помогали друг другу. Много лет Москва кормила, одевала и обувала нас, учила наших детей в своих вузах. Для нас всегда открыты театры, музеи, выставочные залы столицы. А мы? Мы предоставляем москвичам лучшие земли под дачи, возем в столицу свою сельхозпродукцию и продукцию своих промышленных предприятий, наш фейерверк осветит небо столицы в дни празднования 850-летия. Вот так и живем! Как одно целое, как дружная семья. Ездим друг к другу в гости, помогаем в трудную минуту. И дружбе этой год от года крепнуть.

С праздником, дорогая наша столица!
Живи и здравствуй, Москва!

Лидия ГИРЛИНА.

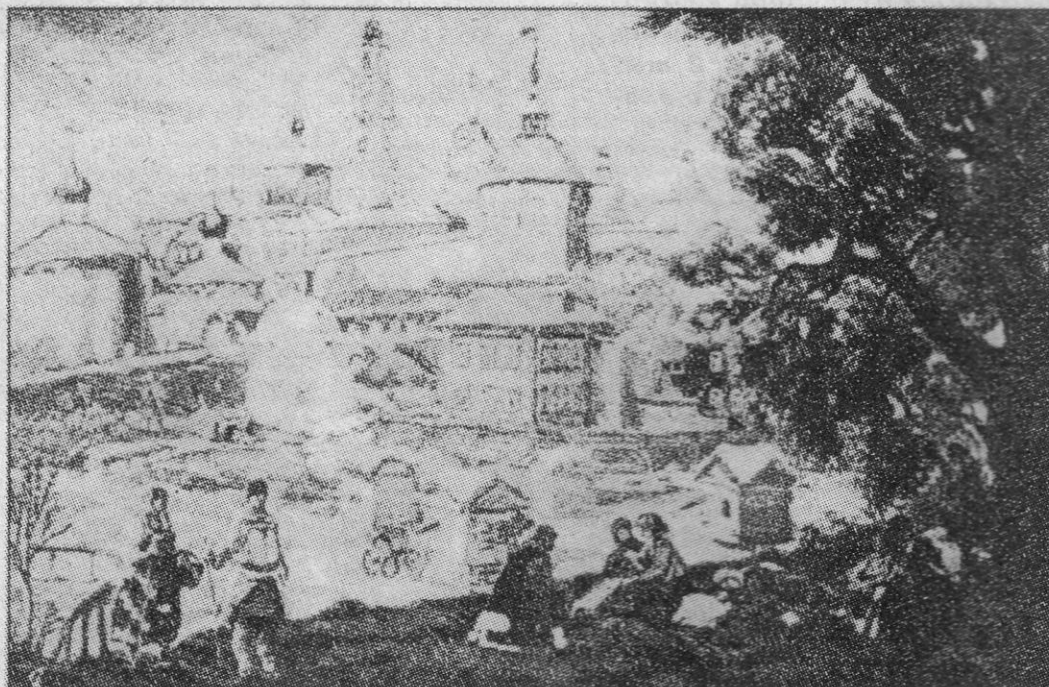
УГОЛОК СТАРОЙ ПРОВИНЦИИ

Именно так поэтически живописно - "Уголок провинции" - назвал одну из своих картин художник Николай Семенович Зайцев (1885 - 1938). И судя по названиям других его работ - "Одинокие могилы", "Летний вечер", "Уборка хлеба", "Сад", "Старый дом" и др. - темы его творчества связаны с тихой обыденной жизнью небольших селений, слитных, как у нас водится, с природой.

Мотивы провинции главенствуют и в его картине "Троица" (на снимке). Стены и купола Лавры - это величественный фон, а на переднем плане - паломники-про-

столюдины: слева идут мужчина и женщина в крестьянских одеждах (вероятно супруги), справа расположившаяся на отдых семья горожан живо изумляется рассказу странницы. И те, и другие, похоже, не богаты, добирались, может быть, издалека к святой обители, но исполнили свою духовную потребность - поклониться мощам преподобного Сергия.

Интересно также видеть на картине, что рядом с часовней Пятницкого колодца прежде были четыре деревянных колодезных сруба, откуда брали воду для бытовых нужд, возле одного стоит водовозная телега.

Картина экспонировалась на рождественской 1914 года выставке московского "Союза русских художников" (напомню, по старому календарю Рождество Христово праздновали, начиная с 25 декабря), и была воспроизведена в репортаже с

выставки в литературно-художественной газете "Искры" № 1 за 1915 год. Ныне эту газету можно получить для просмотра лишь в крупной библиотеке. Но мне повезло: названный экземпляр я получил в подарок от учительницы Инны Борисов-

ны Орловой, которая, разбираясь в сараинном хламе, нашла пачку старинных газет и журналов, представляющих теперь несомненную ценность для краеведения. Возможно, "Троица" Зайцева больше никогда и нигде не репродуцировалась.

Скучные сведения о художнике имеются в библиографическом словаре "Художники народов СССР" и их стоит повторить, так как данный словарь при его малом тираже - большая редкость.

"Н. С. Зайцев родился и всю жизнь прожил в Москве. С 1902 года учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества у Аполлинария Васнецова и лишь 10 лет спустя получил звание художника. На хлеб себе зарабатывал, в основном, преподавательским трудом - до революции в гимназиях, а после в средних школах Москвы. Творческое наследие художника невелико, но некоторые его работы хранятся в крупных художественных музеях Астрахани, Екатеринбурга, Владикавказа. Зайцеву оказала честь Третьяковская галерея, приобретя написанные им темперой в 1911 году "Цветы"."

Виктор ДОЛГИРЕВ.
Копия автора.

Богомолье начинается задолго до монастыря. Начинается с пути: "Мы - на святой дороге, и теперь мы другие, богомольцы. И все кажется мне особенным. Небо - как на святых картинках, чудесного голубого цвета, такое радостное. Мягкая, пыльная дорога, с травкой по сторонам, не простая дорога, а святая называется - Троицкая. И люди ласковые такие, все поминают Господа: "Довел бы Господь к Угоднику", "Пошли вам Господи!" - будто мы все родные. И даже трактир называется - "Отрада". /.../

Бегают белые полове с чайниками, похожими на большие яйца: один с кипятком, другой, поменьше, с заварочкой. Называется - парочка. /.../

Брежунов (хозяин трактира - Т. С.) носит меня над головами, над столами, в пареном, дымном воздухе, показывает мне канареечек и как хорошо расписано. Я вижу лебедей на воде, а на берегу господа пьют чай и стоят, как белые столбики, полове с салфетками. Потом нарисована дорога, и по ней, в елочках, идут богомольцы в лаптках, а на пенках сидят добрые медведи и хорошо так смотрят. Я спрашиваю - это святые медведи, от Преподобного? Он говорит - обязательно святые, от Троицы, а грешника обязательно загрызут. Только Преподобного не трогали. И показывает мне самое главное - "мытищинскую воду". Это большая зеленая гора, в елках; и наверху тоже сидят медведи, а в горе ввернуты медные краны, какие бывают в банях, и из них хлещет синими дугами "мытищинская вода" в большие самовары, даже с пеной".

Но вот путники добрались до Сергиева Посада:

"Улицы в мягкой травке, у крылец "просвирки" и лопухи, по забрам высокая крапива, - как в деревне. Дощатые переходы заросли по щелям шелковкой, такой-то густой и свежей, будто и никто не ходит. Домики все веселые, как дачки, - зеленые, голубые; в окошках цветут гераньки и фуксии и стоят зеленые четверти с настоем из прошлогодних ягод; занавески везде кисейные, висят клетки с чижками и канарейками, - и все скворешники на березах. А то старая развалюшка попадет, окна доской зашиты. А то - каменный, облупленный весь, трава на крыше. Сады глухие, с гвоздиками на заборах, чтобы не лазили яблоки воровать; видно зеленые яблочки и вишни. Высоко змей стоит, поблескивает на солнце, слышно - трещит трещеткой. И отовсюду видно розоватую колокольню-Троицу: то за садом покажется, то из-за крыши смотрит - гуляет с нами. Взглянешь - и сразу весело, будто сегодня праздник. Самая-то кипень у Лавры, а тут затишье, посад, жизнь тут правильная, житейская, торопиться некуда, не Москва".

"Потом ходим в игрушечном ряду, у стен, под Лаврой. Глаза разбегаются - смотреть.

Игрушечное самое гнездо у Троицы, от Преподобного повелось: и тогда с ребятенками стекались. Большим - от святого радость, а несмысленным - игрушечка: каждому своя радость.

Всякое тут деревянное точенье: коровки и овечки, вырезные лесочки и избушки, и кующие кузнецы, и кубарики, и медведь с мужиком, и точеные яйца, дюжина в одном: все разноцветные, вложенные друг в дружку, с красной горошинкой в последнем - не больше кедрового орешка. И крылатые мельнички-вертушки, и волчки-пузанки из дерева, на высокой ножке; и волчки заводные, на пружинке, с головкой-винтиком, раскрашенные под раду, поющие; и вистульки, и оловянные петушки, и дудочки жестяные розанами расписанные, царапающие закраинками губы; и барабанчики в золоченой жести, радостно пахнущие клеесом и крепкой краской, и всякие лошадки, и тележки, и куколки, и саночки лубяные, и... И сама Лавра-Троица высокая розовая колокольня (в середине XIX века стены колокольни были выкрашены в красный цвет, декоративные детали оставались белыми - Т. С.) со всеми церквями, стенами, башнями, - разборная. И вырезные закуски на тарелках, кукольные, с пятак, сочно блестя, пахнут чудес-

ной краской: и спелая клубника, и пупырчатая малинка, совсем живая; и красная, в зелени, морковка, и зеленые огурцы; и раки, и икорка зернистая, и семужий хвост, и румяный калач, и арбуз алый - сахарный, с черными зернышками на взрезе, и кулебяка, и блины стопочкой, в сметане... Тут и точеные шкатулки с прокладкой из уголков и крестиков, с подпалами и со слезой морской, называемой перламутр; и корзиночки и корзины - на всякую потребу. И веселые палатки с сундучками, блистающие, как ризы в церкви. И образа, образа - такое небесное сияние! - на всякого святого".

гие, моли Бога о нас". Покупаем костяные и кипарисовые крестики с панорамкой Лавры и "жития".

Красивый чернобрый монах, с румяными щеками, выкладывает пухлыми белыми руками редкости на стекло: крестики из коралла, ложки точеные, из кипариса, с благословляющей ручкой, с написанной на горбушке Лаврой; поминанья кожаные и бархатные с крестиками из золота на вскрышке, бархатные мешочки для просвирок, ларчики из березы, крестовые цепочки, салфеточные кольца с молитвою, вышитые подушечки - сердечком, молитвенники, браслетки с крестиками, на-

зовый свет от Лавры?.. розовый свет далекого?.. Розовая на мне рубашка, розоватый пиджак отца... просфора на железной вывеске, розовато-пшеничная - на розовом длинном доме, на просфорной; чистые длинные столы, вытертые до блеска белыми руками служек, груды пышных просфор на них, золотистых и розовато-бледных... белые узелки, в белых платочках девушки... вереницы гусятников, которыми пишут на исподах за упокой и за здравие, шорох и шелест их, теплый и пряный воздух, веющий от душистых квашней в просфорной... все и донны вижу, слышу и чувствую. Розовые

Обиты блестящей жестью, и золотой, и серебряной, с морозцем, с отделкой в луженую полоску, оклеены изнутри розовой бумагой - под Троицу - и называются - троичками. Таких будто больше нигде не делают. Аксенов всем нам дарит по сундучку, мне - особенный, золотой, с морозцем. Мы стесняемся принимать такие богатые подарки, говорим - чем же мы отдарим, помилуйте... А он руками на нас:

- Да уж вы меня отдалили лаской, в гости ко мне зашли!"

Вот и последний денек у Троицы:

"- Ну, Господи, благослови, пошли.

Мы крестимся. Все желают нам доброго пути. Из-за двора смотрит на нас розовая колокольня-Троица. Молча выходим за ворота.

- Крестись на Троицу, - говорит мне Горкин, - когда-то еще увидим!..

Видно всю Лавру-Троицу: светит на нас крестами. Мы крестимся на синие купола, на подымающийся из чаши крест:

Пресвятая Троица, помилуй нас! Преподобный отче Сергие, моли Бога о нас!..

Вот и тихие улочки Посада, и колокольня смотрит из-за садов. Вот и ее не видно. Выезжаем на белую дорогу. Навстречу - богомольцы, идут на радость. А мы отрадовались - и скучно нам. Оглядываемся, не видно ли. Нет, не видно. А вот и перелески с лужайками, и тропки. Мягко постукивает тележка, попыливает за ней. А вот и место, откуда видно - между лесочками. Видно между лесочками, позади, в самом конце дороги: стоит колокольня-Троица, золотая верхушка только, будто в лесу игрушка.

Прощай!.."

Кончилась книжка. И вместе с ее персонажами испытываешь щемящее чувство грусти. Грусти от того, что книжка закончилась, и от того, что автор так и не увидел родины, скончался в 1950 году в городе, самое название которого трудно произнести - Бюсси-ан-от. Грустно оттого, что разрушена была та жизнь. "Новые творцы жизни, откуда вы?! - обращался к новым властям писатель. - С легкостью безоглядной расточили собранное

Имя Шмелева до последних лет было у нас мало известно: немногих писателей-эмигрантов разрешали издавать в нашей стране. И. С. Шмелев, человек, влюбленный в Россию, удивительно умел передать в своих сочинениях ее душу. Он писал так, что буквально видишь эту Россию конца прошлого века, видишь, как череду ярких картин. Но не только зримое, но и слышимое, и осязаемое, и, если так можно сказать, вкусовое ощущение осязается от его книг, среди которых "Богомолье" - одна из лучших.

Это рассказ о паломничестве в Троице-Сергиев монастырь. По времени - конец 70-х годов XIX века.

Написана книга от лица шестилетнего мальчика. На исходе шестого десятка лет в далеком Париже писатель воскрешает в памяти незабываемые картины этого путешествия.

"...Вы так хорошо - горячо, нежно и верно - говорите о России - редко приходится слышать такие песни в честь ее, и волнуют они меня до слез..." - писал Шмелеву М. Горький еще в начале его творческого пути. В долгие годы вынужденного отрыва от Родины писатель создал самые сильные произведения о ней.

На богомолье, к Преподобному Сергию

"Сходим по лесенке в овражек, заходим в "блинные". Смотрим по всем палаткам: везде-то едят, едят, чад облаками ходит. Стряпухи зазывают:

- Блинков-то, милые!.. Троицкие - заварные, на постном масле!..

- Щец не покушаете ли с головизной, с самовинкой?..

- Снеточков жареных, господа хорошие, с лучком пожарю... за три копейки сковородка! Пирожков с кашей, с грибами прикажете?..

- А карасиков-то не покушаете? Соляночка грибная, и с севрюжкой, и с белужкой... белужины с хреном, горячей?.. И сидеть мягко, понежьтесь после трудов-то, поманежьтесь, милые... и квасок самый монастырский!..

Едим блинчики со снеточками, и с лучком, и кашнички заварные, со всем сквозные, видно, как каша пухнется. Пробуем и карасиков, и грибки и - Антипушка купил уважить - речечку с конопляным маслом, на заедку...

И вот богомольцы входят в ворота Лавры:

"В Святых Воротах, с Угодниками, заходим в монастырскую лавку, купить из святостей.

Блестят по стенам иконки, в фольге и ризах. Под стеклами на прилавке насыпаны серебряные и золотые крестики и образочки - больно смотреть от блеска. Висят четки и пояски с молитвой, большие кипарисовые кресты и складни, и пахнет приятно-кисло - священным кипарисом. Стоят в грудках посошки из можжевельки, с выжженными по ним полосками и мазками. Я вижу священные картинки: "Видение птиц", "Труды Преподобного Сергия", "Страшный суд". Все покупают крестики, образочки и пояски с молитвой - положим для освящения на мощи. Отец покупает мне образ Святыя Троицы, в серебряной ризе.

Покупаем еще колючки с молитвой, серебряные, с синей и голубой прокладочкой, по которой светятся буквы молитвы - "Преп. Отче Сер-

гудные образки в бархате... всякие редкостные штучки. Говорит мягко-мягко, молитвенным голосом, напевно:

- На память о Лавре Сергия Преподобного... приобретите для обихода вашего, что позрится, мальчику ложечку с вилочкой возьмите, благословение святой обители, для телесного укрепления... висячий кармашек для платочка...

Маслица благованного возьмите, освященного, в сосудах с образом Преподобного, от немощей... выкладывает монах из-под прилавка зеленые пузыречки с маслом.

Пахнет священо кипарисом, и красками, и новенькими книжками в тонких цветных обложках; и можжевелькой пахнет - дремучим бором - от груды высыпанных точеных рюмочек, баульчиков, кубариков и грибков, от крошечных ведерок, от бирюлек...

- Ерусалимского ладанцу возьмите, покурите в горнице для ароматов...

Монах укладывает все в корзину, на которой выплетены кресты. Все потом заберем, на выходе".

Наконец, паломники в самой Лавре:

"Еще прохладно, пахнет из садиков цветами. От колокольни-Троицы сильный свет - видится все мне в розовом: кресты, подрагивающие блеском, церковки, главки, стены, блистающие стекла. И воздух кажется розовым, и призывающий звон, и небо. Или - это теперь мне видится... ро-

Блинный двор в Сергиевом Посаде.

сучки на лавках и на столах, светлых, как просфора; теплые доски пола, чистые, как холсты, с пятнами утреннего солнца, с отсветом колокольни-Троицы, с бледными крестовинами окошек; свежие лица девушек, тихих и ласковых, в ссунутых на глаза платочках, вымытые до лоска к празднику; чистые руки их, несущие бережно просвирки... добрые, робкие старушки, в лаптях, в дерюжке, бредущие ко святыням за сотни верст, чующие святое сердцем... - все и донны вижу".

"Из Лавры идем к маленькому Аксенову, к сундучнику, у овражка.

Он нам ужасно рад, не знает, куда нас и посадить, расспрашивает о Трифоновиче, угощает чайком и пышками. Показывает потом все обустройство - мастерскую, где всякие сундучки - и большие, и маленькие. Сундучки - со всякими звонками: за-прещь, отопрещь - дриннь - дронн!

народом русским! Осквернили гробы святых /.../ Эх, Россия! со-блазили тебя какими чарами? спойли каким вином?"

Грустно, что потеряли мы навыки искусного труда, передававшиеся от поколения к поколению. А именно настоящих мастеров вослед в своих произведениях Шмелев.

Грустно, что даже язык свой мы в значительной степени утратили. Кто ж у нас теперь таким языком пишет?! Правильно заметил А. И. Куприн: "Шмелев теперь - последний и единственный из русских писателей, у которого еще можно учиться богатству, мощи и свободе русского языка".

Но радостно сознавать, что этот редкостно национальный писатель с мировым именем вернулся на Родину своими книгами.

Материал подготовила Т. СМЕРНОВА.

• НА КОНКУРС

"Моя родословная" СЕМЬЯ СЫСОЕВЫХ

Владимир Александрович Сысоев составил родословную своей семьи по отцовской и материнской линиям. Рассказал о дедах и прадедах. Сысоевы и Лукьяновы имели крепкие крестьянские корни, были трудолюбивыми и многодетными. В доме прадеда Николая Кузьмича Сысоева, например, за стол садилось шестнадцать человек.

Жюри конкурса "Моя родословная" с интересом познакомилось с генеалогическим древом семьи Сысоевых-Лукьяновых, с документами и фотографиями, представленными на конкурс, и выбрало для публикации в газете рассказ о жизни Александра Герасимовича Сысоева, 100-летний юбилей которого семья отметила 12 августа 1997 года.

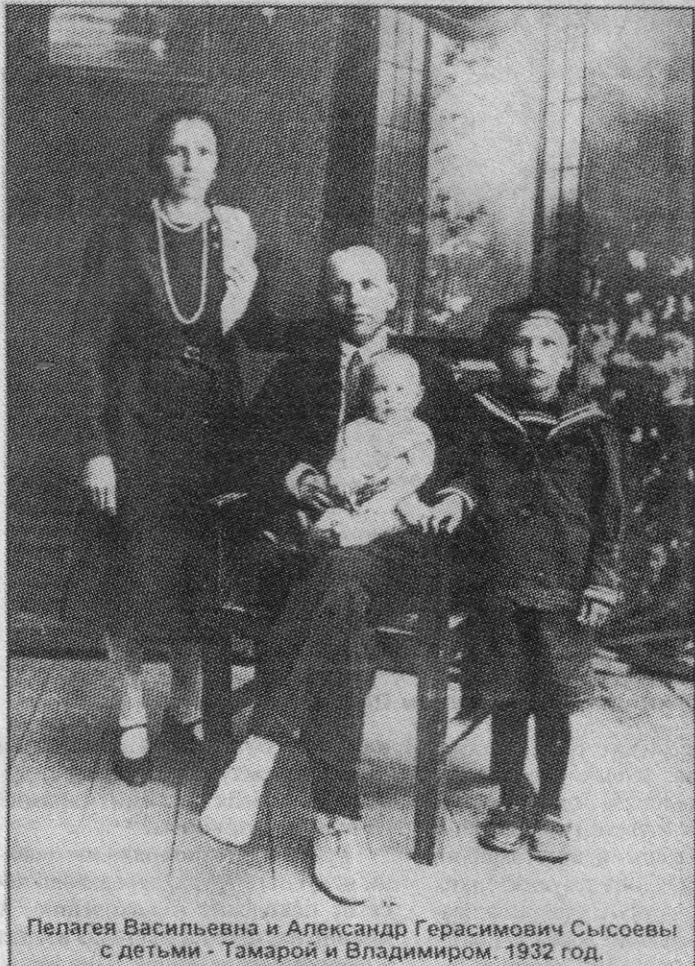
Об отце писать трудно, потому что мы редко его видели. Был он очень занятым человеком, всего себя отдавал работе. В 1923 году, когда отцу было 26 лет, его избрали председателем Деулинского сельского Совета. Он сменил на этом посту своего отца Герасима Николаевича. С нашей мамой Пелагеей Васильевной познакомился на вечеринке, полюбив ее с первого взгляда, вскоре они поженились. А через два года (в 1925) отца пригласили на работу в Сергиев секретарем волостного исполкома, который располагался в то время на Московской улице в доме № 8. Вскоре отец стал председателем волостного исполкома, и семья переехала на жительство в Сергиев.

Жили мы на Московской улице (ныне проспект Красной Армии) в доме № 76 в коммунальной квартире. До революции дом этот принадлежал купцам Телицыным.

За свою недолгую жизнь кем только отец не был: и заведующим райфо, и управляющим коммунальным трестом, и директором горпромкомбината. При нем был построен столярный цех, обеспечивший своей продукцией весь город, налаживалось производство игрушек - матрешек, Ванек-встанек и т. д. А когда началась война - участвовал в создании партизанских отрядов в Загорске.

Жила семья скромно, без излишка. Правда, небольшие привилегии как председатель горсовета отец все же имел - это право на бесплатное посещение горкино и летнего театра в парке культуры и отдыха имени Хрущева. Был ему положен и телефон, но его не успели установить. В 1946 году отец умер от сердечного приступа. Было ему тогда всего лишь 49 лет.

Тамара и Владимир
СЫСОЕВЫ.

Пелагея Васильевна и Александр Герасимович Сысоевы с детьми - Тамарой и Владимиром. 1932 год.

СООБЩАЕМ ЧЛЕНАМ КРАЕВЕДЧЕСКОГО КЛУБА "ХРОНОС",

что ближайшее занятие состоится в выставочном зале "Конный двор" в среду 10 сентября на выставке "Сергиев Посад на рубеже XIX и XX веков". Далее занятия будут проходить, как и прежде, в первый и третий четверг месяца в библиотеке им. Горьковского

"Майны, легенды и были земли подмосковной"

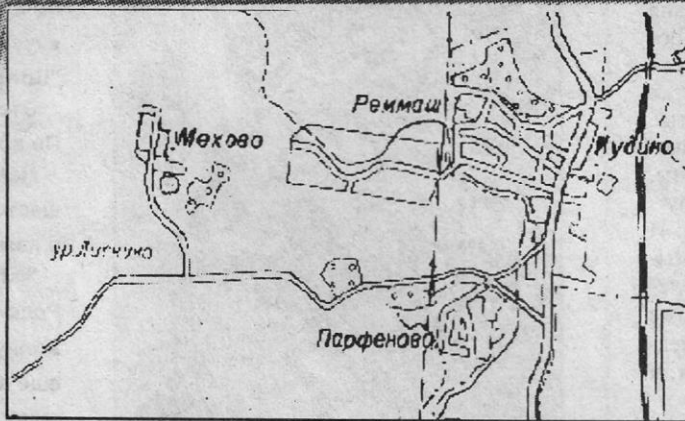
От поселка Реммаш до деревни Мехово шустрого хода не более 40 минут. Когда-то деревня была большая, по воспоминаниям местных жителей, домов насчитывалось от 60 до 100. В настоящее время домов коренных жителей осталось не более десяти, остальные строения принадлежат дачникам. Если выйти за деревню, перед тобой откроется удивительной красоты вид: упоительные просторы полей, а за ними леса в зеленом кружеве силуэтов.

Деревня расположена с севера на юг. В южной части полоса земли значительно темнее, почва более богата гумусом. Весной, когда снега уже нет, а трава еще не выросла, эта разница в сравнении с соседними участками очень заметна. Местные жители рассказывают, что когда-то деревня располагалась с запада на восток и часто горела. Решили деревню перенести, вот и остался след от прежней ушедшей жизни. Но пожары это не остановило.

С питьевой водой в Мехове всегда было плохо. Воду брали из прудов. В 1928 году начали рыть колодец. Рыли его колодезники из Рязани. Вспоминает М. П. Сысоев: "Прорыли 17 саженей, появилась зараженная масса, люди задыхались, пока откачивали ее. На 18-й сажени нашли дерево с листьями. Когда же дошли до плиты, колодезники запросили еще денег. Докапывали всем миром сами, и на 33-й сажени пошла исключительная вода. Качали воду так: барабан, бак на два ведра, ходили кругом. Возле колодца стояла часовня, горела лампадка, стояли лавочки. Здесь проходили деревенские гулянья". В 1949 году колодец обрушился, чинить было некому, и его постепенно завалили мусором. В 1972 году была скважина, а теперь питьевая вода в Мехове привозная.

В Мехове, как и в соседнем Козлове, крепостного права не было. Земли принадлежали монастырю.

Деревня наша была веселая, - вспоминает М. П. Сысоев. - Я имел гармонь с 16 лет. Гармонистами были Гавриил Бухалов и Михаил Комаров. В праздник приходили крестьяне из Константинова, Напольского, Иудина, Лискина, Ивашкова. Плясали кадрили, елецкого, польку. В Мехове было три праздника: престольный - 7 января, 17 июня - Митрофанья (празднуется

МЕХОВО

еще только а Лискине), и 2 августа - Ильин день.

Рядят пастуха - тоже праздник. Все мужчины Мехова погибли на войне, поэтому пастуха брали со стороны".

Во время войны в Мехове был колхоз "Заря", возглавлял его Гавриил Лаврентьевич Бухалов. В деревне была конюшня, кузница. Выращивали овощи, гречиху, рядом с прудом росла капуста. Жили тяжело. Вспоминает Н. А. Усачева: "Вся работа в колхозе была на женщинах. Если минимум не выработаешь, - сажали. Полина Комарова унесла два берема соломы - посадили на четыре года. Свою картошку копали по ночам".

Кормилицей была корова. Вспоминает А. Е. Комарова: "Мать умерла от тифа в 1922 году. На мне, девятилетней, осталось хозяйство: корова, косяба, выпечка хлеба. Косить ходили за три километра. Наложил берем в два с половиной пуда и несешь без останки, так что если на землю положишь, то уже не поднять. Хорошо, если пеня встретится, то можно отдохнуть". Рассказывает Л. Хохлова: "Послала меня мать пасти корову. Облелась корова клеверу, напилась воды и сдохла. Три дня я боялась дома появиться, а было мне девять лет".

В округе было много ягод и грибов. В 1940 году белые грибы носили мешками, говорили: "Это к войне", - так и вышло. В лесу жили лоси, появлялись волки, кабаны водились во множестве. Вспоминает К. А. Болонкина: "Бывало выйдешь из дома, а они ходят по огороду. Случалось всю картошку выкапывали".

Каждая поляна, дубок, лес, болотце в Мехове имеют свои неповторимые названия. Например, поля, которые засеяла Лавра: Подовласково, Репники. Были еще поле Завороны полосы, Митрохина роща, Горелое болото, Старо-

дубов луг, дяди Ганина посадка, Сигачева поляна, Пьяничное болото, луг, называемый Могилы. С некоторыми из этих мест связаны меховские легенды. Там, где поле встречается с лесом, восточнее Мехова, есть Васенкин пруд. Когда-то он был большой и глубокий. По преданию, там утонула девушка Васена Болонкина. Полоскала она холсты, один выпал из рук, потянулась за ним Васена, упала в воду, там и осталась.

Рассказывает А. С. Шеренков: "Место это считалось проклятым, в пруду никогда не купались и не ловили рыбу. Вот что приключилось здесь с моим дедом. В семи километрах от Мехова в Еремине была пекарня. Дед Анисим ехал ночью из Еремине на лошади. При подъезде к Васенкину пруду вдруг кто-то как засвистит, лошадь понесла, а этот кто-то в сани к деду прыг и стал его вытряхивать, возле пруда и вывернул. Лошадь пришла домой одна, дед пешком дошел позже."

Еще одна легенда связана со Стародубовым болотом. Надо сказать, что Мехово - самая высокая точка Сергиево-Посадского района. К северу от деревни находится Стародубово болото. Говорят, когда-то очень давно здесь стояла церковь, был дом священника и дьячка. И вот однажды внезапно церковь ушла под воду. В настоящее время это место представляет из себя верхнее болото, окруженное хорошо заметным валом. По окружности лежат старые мертвые дубы, которые когда-то были высажены здесь. По преданию, болото, в котором утонула церковь, сообщалось с Васенкиным прудом подземным ходом и по этому ходу утопленница Васена посещала провалившуюся церковь для моления.

Рядом с болотом стояла пятидесятиметровая вышка. В хорошую погоду с вышки

можно было видеть весь район. В начале 50-х годов вышку спилили и увезли в сторону Лихинина. Врытые в землю бетонные столбы от нее до сих пор на месте.

Из репрессированных в Мехове называют Андрея Васильевича Комарова. Был это великий труженик, до сих пор уважительно говорят о нем старожилы. Имел он четырех дочерей и одного сына. Держал две лошади, две коровы и пятьдесят семей пчел. В колхоз вступать не хотел, но потом сказал: "Я все сдам в колхоз, что люди сдадут, а пчел не сдам". За это в 1931 году его раскулачили и сослали в Александров. Вскоре пчелы в колхозе стали дохнуть и Комарова позвали домой, назначили пчеловодом на собственную пасеку. Он быстро восстановил ее, но тут случилось непредвиденное. Через Мехово и Лискино прошли цыгане и в обеих деревнях из колхозных конюшен пропали кони. Шел 1937 год. Приехали выяснять, кто тут у вас подозрительный элемент? Показали на Андрея Васильевича, и его забрали. Увезли А. В. Комарова в Загорск, повели в баню и оттуда он уже не вышел. Семью из дома выгнали и поставили там скот.

Последняя встреча у меня состоялась со старшей жительницей Мехова А. А. Шеренковой. Ей 88 лет, но она еще самостоятельно ездит к сестре в Пушкино. Ничего нового о прежней жизни Анна Анисимовна добавит не смогла, зато засыпала меня частушками, подтвердила, что Мехово - деревня веселая. Чтобы не заканчивать на грустной ноте, приведу ее частушки наиболее безобидного содержания:

Меня милый не целует,
ох какой же молодец,
Он свои большие губы
бережет на холодец.

Говорят, что я стара,
еще буду я старей,
За меня четыре деда
выходили на дуэль.

Низкий поклон всем жителям деревни Мехова, которые помогли составить этот далеко не полный портрет ушедшей жизни деревни. Особая благодарность Л. Т. Илларионовой, потратившей драгоценное летнее время, чтобы показать мне место, где ушла под воду церковь.

Л. УГРЮМОВА.